

Лекция для самостоятельного изучения.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942).

Детство и юность. Отец будущего поэта был скромным земским деятелем. Мать, оказавшая на сына большое влияние, обладала широкими интеллектуальными интересами. Счастливое детство Бальмонт провел в родной усадьбе Шуйского уезда Владимирской губернии. С 1876 по 1884 г. учился в гимназии г. Шуя. Но был исключен: юноше были свойственны народнические увлечения. Окончил Владимирскую гимназию (1886). В том же году поступил на юридический факультет Московского университета. Однако снова был исключен за участие в студенческих волнениях. Дважды пытался продолжить образование (в университете и Демидовском лицее Ярославля) и сам прерывал обучение. Жил напряженной внутренней жизнью, зачитывался немецкой, скандинавской литературой, занимался переводами (П. Б. Шелли, Э. По).

Идеи и образы творчества. В 1890 г. Бальмонт издал на свои средства «Сборник стихотворений». В 1894 г. появилась его книга лирики «Под северным небом», через год — «В безбрежности», в 1898 г. — сборник «Тишина». Для этого периода творчества характерны скорбные мотивы неприятия жизни, ее призрачности, но и поклонение высоким чувствам, мечте. Неудивительно, что между Бальмонтом и Брюсовым складываются отношения проникновенной дружбы.

В конце 1890-х — начале 1900-х гг. Бальмонт подолгу жил в Петербурге, сблизился с группой столичных символистов, бывал в Москве, стал одним из самых активных авторов журнала «Весы» издательства «Скорпион». Именно в этот период вышли в свет сборники стихов К. Бальмонта, принесшие ему шумную славу: «Горящие здания (Лирика современной души)» (1900), «Будем как солнце» (1903), «Только любовь. Семицветник» (1903).

Сам поэт писал (письмо 1900 г.): «Я люблю реальную жизнь с ее дикой разнузданностью и безумной свободой страстей». Голубые и серебряные тона, поэтика намеков ранних стихов сменились насыщенными красками и чувствами.

Вспомним, в статье о символизме (1900) Бальмонт считал художника выразителем «говора стихий». И сам для себя избрал «царственные стихии»: Огонь, Воду, Землю, Воздух. Особенно изменчиво влияние огня, то сжигающего, то возрождающего, то открывающего «завет бытия»:

Я спросил у высокого солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари,
Ничего не ответило солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

Смело «создав свою мечту», поэт призвал: «Будь воплощением внезапной мечты!» Он стремится к «вечности, где новые вспыхнут цветы». У Бальмонта все эмоции бесконечно укрупнены, поскольку он творил свою сказку. И сам признавался в том: «Я знаю какой-то иной мир, который... бросает световые волны и замыкает их в ритмические строки» (письмо 1899 г.). Лирическое «я» не знает преград в дерзости:

Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я — весь весна, когда пою,
Я — светлый Бог, когда целую.

Поэтому Бальмонт искал столь же «исступленные» средства самовыражения. В 1907 г. он писал: «Религия звезд и цветов. <...> Быть может, уже совсем близка». Единение этих небесных и земных знаков дает свето-цветовую гамму: «В моем саду — сверкают розы белые. И ярко, ярко-красные». Страстные мелодии души подчиняют себе и «ритмические строки». В них слышны то торжественность гимна, то медлительность сокровенного признания, то отрывистость заклинания. Две родные стихии красоты — краска и звук — сливаются в образах: «музыка цветов», «флейты звук, заревой, голубой».

Из сказанного отнюдь не следует, что в творчестве Бальмонта не было больных нот. Их много: «В мираже обольстителен обман», «жизнь моя однозначна». Вплоть до разрыва с миром — «Я ненавижу человечество...», до опасной всеядности: «Я люблю тебя, дьявол, я люблю тебя, Бог».

И все-таки поэт считал, что он «безраздельно целен». Спасала душевная энергия, способная «вновь стихом победным в царство Солнца всех вернуть».

Отношения Бальмонта с символистами не были безоблачными. В годы первой русской революции он сблизился с Горьким, написал «Песни мстителя» (1907). Эти выступления петербургской элитой во главе с Мережковским были приняты за измену.

Позже поэт увлекся древнеславянскими легендами, мистическими заклинаниями, на этом материале создал ряд книг («Злые чары», 1906; «Жар-птица», 1907). Он много путешествовал по Европе (подолгу жил в Париже), посетил Мексику и Калифорнию, Египет, Японию, совершил кругосветное плавание. Впечатления от экзотических стран, их религиозных ритуалов, мифов отлились в колоритных очерках (например, о Мексике — сб. «Змеиные цветы», 1910; о Египте — «Край Озириса», 1914), слабее — в лирике. Все эти произведения имели большую познавательную ценность, самобытную форму.

Причины и первые годы эмиграции. В период 1905—1920 гг. Бальмонт создал цикл стихотворений «Песня рабочего молота», но Октябрьскую революцию и социализм не принял. В статье «Революционер я или нет» писал: «Социализм есть убогая выдумка человеческого ума, которой, быть может, суждено на краткий исторический час воплотиться в действительность, чтоб человечество... убедилось, что принудительное обобществление труда есть наихудший вид духовной каторги и наиболее полное осквернение свободы личности...» В июне 1920-го Бальмонт выехал, с разрешения советских властей, на лечение во Францию и остался в эмиграции (умер в приюте «Русский дом» недалеко от Парижа).

Тягостно переживал Бальмонт свое изгнанничество: «Я живу среди чужих»; «Мне душно от воздуха летнего Парижа»; «Я ушел из тюрьмы, уехав из Советской России... Но нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться» (Книга воспоминаний «Где мой дом?», 1924). Это состояние духа определило название сборника лирики «Марево» (1922).

Отдохновение здесь даруется только вечно прекрасной природой: «облаками величавыми», «звездными славами», «Млечным прибоем» («В синем храме»). Но в ее могучем разливе глаз находит исходящее от людской воли нарушение красоты. Лирический герой сопоставляет себя с лишенным свободы попугаем: «... такой же узник, / Как я, утративший / Родимый край, / Крылатый в клетке...» А могучее древо соотносит с Россией — «И на ствол его — острый наточен топор»

(«Прощание с деревом»). Однако в глубинах души, в мечтах и снах поэта, продолжает петь песня любви, верности идеалу («Звук», «Сны»). И рождается бесперспективное, но исполненное внутренней силы стремление:

Я в преисподней жажду чуда,
Я верю в благодать высоты.

Образ России. Критика Русского зарубежья справедливо считала, что в творчестве Бальмонта эмигрантских лет нет «прежнего подъема», оно «суше, бледнее» (Ю. Терапиано). Вместе с тем поэт не утратил «ни своего дара песни, ни своего мастерства» (Г. Струве). Воистину вольной птицей «плывет» поэтический голос, разрушая любые преграды энергией авторской памяти, воображения, «крепкого стиха», сотканного «из крыльев птиц». Именно этой душевной силой пронизана «симфония» восхищения родными просторами, Россией, в убранстве разных времен года, в книге «Мое — ей» (1924). В многоцветье картин проступает священный для автора образ:

Есть слово — и оно едино.
Россия. Этот звук — свирель.
В нем воркованье голубино.

Как прежде, поэзия Бальмонта поражает смелыми ассоциациями страны с «речным и степным раздольем», историческими событиями, древними, языческими легендами, фольклорными образами. Многозвучно и разнокрасочно воплощена душевная, неразрывная связь с родиной, ее северной красотой, таежными тайнами, нехоженными тропами в книгах «Северное сияние. Стихи о Литве и Руси» (1931), «Голубая подкова. Стихи о Сибири» (1936).

Из этого круга стихов выделим цикл «В раздвинутой Дали. Поэма о России» (1929), состоящий будто из самостоятельных стихотворений, скрепленных, однако, единой авторской эмоцией, волевым порывом к душевному движению в своеобразную лирическую поэму. Во всех частях проступает желание разорвать статику одинокой жизни, пусть на уровне воображения, грезы о будущем. Былой динамизм чувств как бы вновь возвращается в поэзию Бальмонта, хотя с явным оттенком недостижимости идеала:

Уйти — уйти — уйти — в забвенье.
В тот спев святой,
Уйти туда — хоть на мгновенье,
Хотя мечтой.

(«Уйти туда»)
Хочу моей долины
И волей сердца знаю,
Что путь мой соколиный —
К Единственному Краю.

(«Хочу»)

Мироощущение лирического героя. Выразительно передано ощущение душевной силы, утраченной былой веры в магию Слова, что особенно завораживает, так как созревает среди утрат и страданий:

Иду я — тропинкою узкой,
Приду — как широкий рассвет.

Простейшие образы дороги, «звезд в тумане», «распаленных коней», «лик берез» приобретают символический смысл благодаря внутренней насыщенности сквозного мотива — «скитаний повсеместных» («Я русский», «Тринадцать», «Одной»).

Цикл пронизан трепетным постижением близких людей, а среди них — «Сестра моя и мать! Жена моя! Россия», и самоуглублением лирического субъекта («Мать», «Отец», «Я»), Поэтому реминисценция из ранней солнечноносной поэзии Бальмонта звучит теперь новой, мудрой нотой:

Судьба дает мне ведать пытки,
На бездорожье нищету,
Но в песне — золотые слитки,
И мой подсолнечник — в цвету.

(«Судьба»)

Такое мироощущение было развито в поздней книге поэта «Светослужение» (1937). В искренних признаниях героя несомненно усилилась трагическая окраска, рожденная чувством заката земного странствия: «поступь во мраке по скользким крутизнам»; «безбрежный океан — в боренье с темнотой»; «давно моя жизнь отзвучала»; «листья исполнены страха, плачут, что лето прошло». В немеркнущем царстве природы «подсмотрены» остро болезненные состояния («Восходящий дым», «Я люблю тебя!», «Давно», «Саван тумана»), живо передающие печальное прощание с некогда устойчивой радостью бытия. Но тем взволнованнее и убежденнее звучит высшая правда цельных самоотверженных чувств: «иду путем я золотым»; исчезающей возлюбленной вослед рефреном доносится: «Я — люблю — Тебя — с невыразимой — силой!» В «безумствующем бреде», «мраке лукавом» созревает гордое и спасительное стремление:

Любовью звонкой вечность лишь в мгновенье
Сквозь тишину до вышних звезд греметь!

(«Как мы живем!»)

«Звонкие» и огненные порывы сохранились даже в одинокой душе.

В эмиграции Бальмонт много занимался переводами, осмыслением русского классического наследия — Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, писал воспоминания, эссе. До своей славы начала 1900-х он не поднялся. Но всю жизнь был подлинным художником. Справедливо сказала о нем в 1936 г. М. Цветаева: «Он и в болезни своей остается поэтом...»

Октябрьскую революцию 1917 года поэт не принял, в книге «Революционер я или нет?» (1918) он рассуждал о том, что поэт должен быть вне партий, однако выражал негативное отношение к большевикам. В это время Бальмонт был женат уже в третий раз — на Елене Цветковской.

В 1920 году, когда поэт с женой и дочерью Миррой переехал в Москву, он написал несколько стихотворений, посвященных молодому Союзу. Это позволило выехать за рубеж, якобы в творческую командировку, но семья в СССР не вернулась. В это время отношения с Максимом Горьким выходят на новый виток: Горький пишет письмо Ромену Роллану, в котором осуждает Бальмонта за псевдореволюционные стихи, эмиграцию и осложнившееся положение тех поэтов,

которые также хотели выехать за границу. На это поэт отвечает статьей «Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький», которую опубликовали в рижской газете «Сегодня».

«Самый ценный писатель» Иван Шмелев

В 1926 году Константин Бальмонт знакомится в эмиграции с Иваном Шмелевым. «Если бы мне сказали лет тридцать тому назад, что придет день, когда я буду приветствовать Бальмонта как друга и собрата, я ни за что бы не поверил. В те времена нас, прозаиков, и их, поэтов-символистов, разделяли необозримые пространства», — вспоминал о знакомстве писатель. Их объединила схожесть политических взглядов и литературных вкусов. Оба любили читать Сергея Аксакова, [Николая Гоголя](#), [Федора Достоевского](#).

«Более всего я люблю Ив. Серг. Шмелева. Это — пламенное сердце и тончайший знаток русского языка. <...> Шмелев, на мой взгляд, самый ценный писатель из всех нынешних».

Константин Бальмонт и Иван Шмелев участвовали во многих литературных кампаниях первой трети XX века: проводили вечера и собрания, готовили обращения и протесты. Бальмонт поддерживал писателя во многих его начинаниях и даже рассорился с редакцией «Последних новостей», опубликовавших пренебрежительный отзыв о романе Шмелева «История любовная».

В 1936 году поэт с женой перебираются в Нуази-ле-Гран под Парижем. Бальмонт много путешествует по Европе. Общение с Иваном Шмелевым постепенно сходит на нет. Во время оккупации Парижа немецкими войсками писатель жил в городе и даже печатался здесь же, однако с Бальмонтом они не виделись. Поэт более не покидал Нуази-ле-Гран и умер здесь в 1942 году.